
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА И ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ¹

РУБЕН НАГДЯН

Датой основания трансцендентальной психологии восприятия можно считать 1987 год, когда в Психологическом институте РАО была защищена докторская диссертация «Константность и полифункциональность восприятия» А. И. Миракяна². В этой работе впервые была изложена методология афизикального (трансцендентального³) подхода к изучению порождающего процесса восприятия и ее основные принципы. Для истории развития науки или какой-либо ее отрасли тридцать лет – срок не большой, но вполне достаточный, чтобы оценить потенциальные возможности ее методологии. Однако прежде чем перейти к анализу методологических ресурсов трансцендентальной парадигмы исследования восприятия, необходимо осветить основные предпосылки ее возникновения.

Традиционная психология восприятия с античных времен формировалась на основе классической рациональности⁴ и стремилась ответить на вопрос: «Как человек воспринимает (отражает) окружающую действительность?». При такой постановке вопроса априори принимались следующие предпосылки исследования:

1. Есть субъект и окружающий его мир; они взаимодействуют.
2. Мир и объекты, существующие в нем, не зависят от субъекта.
3. Объекты обладают множеством свойств внутри каждой модальности восприятия, которые также независимы от воспринимающего их субъекта. Восприятие может внести свои искажения, но искажаются существующие объективно и независимо от человека свойства объектов.
4. Объект одновременно обладает множеством свойств, но невозможно исследовать все свойства объекта одновременно.

Приведенные выше предпосылки исследования процесса восприятия казались настолько естественными, что принимались как постулаты, не требующие теоретического анализа и эмпирических доказательств.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 16-06-00574.

² См. **Миракян А. И.** Константность и полифункциональность восприятия. Дисс. док. психол. наук. М., 1987.

³ См. **Миракян А. И.** Начала трансцендентальной психологии восприятия // «Философские исследования», 1995, № 2, с. 77-94.

⁴ См. **Нагдян Р. М.** Анализ соотношения классической и неклассической рациональности в психологии восприятия (психофизика, гештальтпсихология) // «Вестник РАУ», 2016, № 3, с. 105-118.

Постепенное формирование неклассической рациональности привело к осознанию необходимости ввести в соотношение классической рациональности «объект–субъект» опосредующих звеньев для восстановления полноты, целостности и объективности исследования. Эти нововведения осуществлялись на разных уровнях изучения процесса восприятия – физическом (сюда могут быть включены приборы, ситуация исследования и окружающая среда), физиологическом (физиологические и химические процессы в нервной системе, нейронные сети и отдельные нейроны-датчики), психологическом (субъектные свойства личности). Однако при всем прогрессе крайние составляющие соотношения классической и неклассической рациональности, то есть «объект» и «субъект», сохраняются, поэтому вместе с ними сохраняются все четыре постулата, приведенные выше. В итоге развитие психологии восприятия происходило таким образом, что невозможно было выявить универсальные принципы объяснения, объединяющие бесконечно разнообразную мозаику результатов исследований, а следствием оказалось то, что одна психологическая теория восприятия безуспешно заменялась другой. Сказанное относится не только к психологии восприятия, но и к психологии в целом. Именно поэтому причину такого состояния психологии В. М. Аллахвердов видел в том, что «все до сих пор созданные концепции психики содержат какой-то общий порок. Поэтому следует найти то общее, что содержится во всех психологических концепциях, и попробовать от него отказаться»⁵.

На пути к пониманию психического отражения А. И. Миракян исследовал причины, ограничивающие возможности его изучения, и пришел к выводу, что они кроются в глубоко эмпирическом мышлении человека, функционирующем в пространстве продуктов психического отражения, через которые и определяется разделенность объекта и субъекта, свойственная классическому и неклассическому образу мышления. А такое мышление позволяет определить лишь характер отношений между психическими феноменами, но не позволяет проникнуть в неосознаваемый процесс их порождения и выявить его принципы.

Таким образом, возникает важная методологическая проблема преодоления ограниченности продуктного подхода, которая, в свою очередь, привела к необходимости перехода к философскому анализу и построению такой картины мира, в которой реализуются принципы, определяющие возможности возникновения психической реальности. Такой анализ, как мы уже указывали во введении к редактируемому нами сборнику⁶, начинается с вопроса: «Как должен быть устроен мир, в котором (в ходе эволюции) возможно порождение психического?». Этот вопрос основан на нескольких постулатах:

⁵Аллахвердов В. М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., 1993, с. 11.

⁶ См. «Психология восприятия: трансцендентальная перспектива». Ер., 2017, с. 11.

1) материальный мир предшествует появлению психического (материализм);

2) имеется в виду тот период развития мира, когда не было ни психики, ни субъекта отражения как живого существа;

3) мир и принципы его развития не даны нам непосредственно (поэтому представления о них могут быть получены на основе философских рассуждений, относящихся к метафизике, частью которой является метафизика бытия, или онтология);

4) принципы порождения нового и развития вечны и неизменны; носительны наши эмпирические представления о них (поэтому они, существовавшие в начале эволюции, действуют и сейчас, имплицитно многолико проявляясь и приобретая определенные черты-характеристики в структурно-процессуальной организации физических, биологических и физиологических механизмов органов восприятия и в соответствующих им продуктах психического отражения)⁷.

Представленные выше системы постулатов коренным образом отличаются друг от друга, ибо описывают совершенно разные картины мира, разные реальности, поэтому созданные на их основе теоретические конструкции (методология, теории, концепции и т.д.), действительно, будут относиться к разным парадигмам, обладающим разными методологическими ресурсами объяснения одних и тех же психологических явлений (что очень напоминает переход от физики Ньютона к физике Эйнштейна). Поэтому целью дальнейших исследований становится анализ методологических ресурсов (потенциальных возможностей) трансцендентальной парадигмы для изучения не только разных сторон восприятия, но и других областей психологии, а также междисциплинарных связей. А данная статья посвящена анализу адекватности психического отражения с позиций трансцендентальной парадигмы, основанной на второй системе постулатов.

В традиционной психологии адекватность восприятия была тем проблемным камнем, которым проверялись истинность или ложность восприятия, его нормы или патологии. Поэтому адекватность восприятия служила критерием «правильности» познания, а отсюда как в философии, так и в психологии делался не вполне обоснованный вывод о том, что психическое отражение или восприятие предназначено для познания окружающей действительности.

Гносеологическое содержание проблемы адекватности изначально предполагает наличие объекта и его образа, поэтому для советской и современной психологии путь изучения восприятия, выражаясь словами А. Н. Леонтьева, «это путь от внешнего объективного мира к ощущению, восприятию, образу»⁸. Однако у С. Д. Смирнова, ученика Леонтьева, воз-

⁷ См. там же.

⁸ Леонтьев А. Н. Психология образа // «Вестник Московского ун-та». Серия 14. Психология. 1979, № 2, с. 4.

никает вопрос о том, «как понимается сам “мир”; от какого “объективного мира” должен отпираться анализ»⁹. Отвечая на этот вопрос, Смирнов демонстрирует две оппозиционные альтернативы. Одна – это представление мира таким, какой он есть до или вне человека. «Такой мир, – пишет Смирнов, – есть чистая объективность, постулируемая метафизическим материализмом, который безуспешно пытается решить проблему субъективации в каждом отдельном акте восприятия»¹⁰. То есть это мир, наполненный объектами, не очеловеченными присутствием человека. Другая альтернатива, от которой, по мнению Смирнова, следует исходить, – это мир, очеловеченный, преобразованный присутствием человека и частично созданный его деятельностью. Поэтому возникает два вида действительности – «в форме объекта» и «в форме деятельности». При этом, хронологически действительность «в форме объекта» является первичной, «...однако в плане становления и развития индивида и его психического отражения действительность “в форме деятельности” является исходным пунктом анализа»¹¹ и ей же (действительности «в форме деятельности») придают статус онтологической и логической фундаментальности. Из выше приведенного следует, что, во-первых, метафизика понимается ограниченно, в очень узком смысле, который не учитывает истинное предназначение метафизики – поиск первопричин возникновения явлений природы, поэтому мир в «метафизическом материализме» представляется всего лишь как скопление независимых друг от друга объектов. Во-вторых, как основа психологического изучения всякой субъективности, действительность «в форме объекта», то есть природа до или вне присутствия человека изначально отвергается, чем и исключаются всякие попытки изучения психического отражения как природного явления. Следовательно, вопрос о возникновении психического выносится за скобки, а главным становится вопрос о «становлении и развитии индивида и его психического».

Исследование возможностей возникновения психического в глубинных слоях мироздания не велось вообще, потому что это относилось уже к «запретной» области метафизических рассуждений. Однако были исследователи (кроме А. И. Миракяна и его последователей), которые в решении выше изложенных проблем очень близко подходили к постановке метафизических вопросов. Так, например, В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили пишут: «Говоря, что “субъективность входит в реальность”, мы имеем в виду, что она входит в ту реальность, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на “языке внутреннего”. Только задав ее с самого начала (так же, как

⁹ Смирнов С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985, с. 10.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

и в биологии, явление жизни) в трансцендентной по отношению к “языку внутреннего” части, мы можем затем выделить объективные процессы (идущие независимо от наблюдения и самонаблюдения), выделить стороны предмета психологического исследования, поддающегося объективному описанию. Потом уже поздно соединять сознание с природными явлениями и описывающими их терминами и мы никогда в рамках одного логически гомогенного исследования не выйдем к месту, где что-то кем-то мыслится, видится, помнится, воображается, узнается, эмоционально переживается, мотивируется»¹². Из приведенной цитаты видно, что, по мнению авторов, сознание и психическое необходимо начинать изучать как природное явление, как спонтанный процесс, исключив всякую субъективность («наблюдение и самонаблюдение»), пользуясь терминами природных явлений, трансцендируя от «языка внутреннего». А это, на наш взгляд, означает не что иное, как обращение к реальности, не подвергнувшейся отражению, к поиску онтологических основ психического в «бытии в возможности» (Аристотель), к методу метафизических рассуждений.

Таким образом, вопрос Смирнова о реальности, предшествующей отражению, имеет важное методологическое значение, и от его решения, в частности, зависит постановка проблемы адекватности психического отражения. Принципы деятельности и предметности, определяющие способы существования психического в современной психологии, требуют наличия адекватности психического отражения. Однако в научной литературе имеется достаточное количество данных, подтверждающих, что нет строгой адекватности между объектом и его образом. Но, к сожалению, очень мало говорится о глубине и характере нарушения адекватности психического отражения.

Новые подходы к изучению адекватности восприятия потенциально заложены в трансцендентальной парадигме. На основе философско-исторического анализа особенностей проявлений продуктивного подхода (в философии, психологии, физиологии, кибернетике), ограничивающего возможности поиска принципов порождения продуктов восприятия, Миракян формулирует тезис, имеющий принципиальное значение для нового понимания проблемы адекватности восприятия. В своей монографии «Контурсы трансцендентальной психологии» он пишет: «Мне кажется, что можно начать исследование психики с понятия “ничто”, которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность отсутствующего в любом присутствующем.

Возможность понимания сущности “ничто” как реальности отсутствия и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего нам не дана, потому что мы и наше мышление (познание) как уже существующие

¹² Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии // «Вопросы философии», 1977, № 7, с. 109.

принадлежат к реальности присутствующего и тем самым их пребывание в реальности отсутствующего невозможно, так как в реальности отсутствующего любое присутствующее отсутствует»¹³. Тем самым автор делает первые в научной психологии попытки понять и описать порождение психического отражения из реальности, которая предшествует восприятию, реальности, еще не отраженной в сознании человека, одновременно предложив свое представление об особенностях ее существования. Он делает это под определенным ракурсом, предположив, что при изучении принципов и закономерностей психического отражения необходимо исходить из фундаментальных особенностей материи или материальности, которые, однако, «индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения»¹⁴ и находятся вне области психических явлений (феноменов, понятий, принципов, отношений и т.д.).

Приведенный выше тезис побуждает более внимательно присмотреться к процессу психического отражения и понять заложенные в природе (в принципах развития материальности) истоки и возможности его порождения. А для понимания проблемы адекватности психического отражения в этом ракурсе важно понять отношение продуктов отражения к порождающей их реальности.

С этих позиций и рассмотрим некоторые особенности процесса непосредственно-чувственного отражения. Так, например, причиной возникновения цвета является взаимодействие зрительного анализатора человека с *чем-то*, что физики называют электромагнитной волной. Электромагнитную волну характеризуют *измеряемыми* величинами – частотой, длиной волны, скоростью распространения, и в ней нет ничего такого, что можно было бы назвать цветом (измерить как «цвет»). Сознание человека фиксирует не частоту волны (частота волны перестает существовать, трансформируясь и исчезая в зрительных рецепторах), а уже порожденное психикой новое качество – цвет. Таким образом, принятое в традиционной психологии соотношение адекватности (постулат изоморфности) – цвет и ощущение цвета – нарушается, так как одной стороны этого соотношения – цвета – в мире вне человека не существует.

Это заметил еще И. Ньютон. В своей «Оптике» он пишет: «И если иногда я говорю о свете или луче как окрашенных или имеющих цвета, то не следует понимать, что я говорю философски, и точно – я выражаюсь грубо и в соответствии с теми представлениями, которые может получить простой народ, видя все эти опыты. Ибо лучи, если выражаться точно, не окрашены. В них нет ничего другого, кроме определенной силы или predispositiona к возбуждению того или иного цвета. Ибо как

¹³ **Миракян А. И.** Контуры трансцендентальной психологии. М., 1999, с. 10.

¹⁴ **Миракян А. И.** Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование // «Принципы порождающего процесс восприятия» (коллективная монография). М., 1992, с. 35.

звук колокольчика, или музыкальной струны, или других звучащих тел есть не что иное, как колеблющееся движение, и в воздухе от предмета распространяется не что иное, как это движение в форме звука, так же и окраска предмета является не чем иным, как предрасположением отражать тот или другой сорт лучей более сильно, чем остальные; в самих лучах нет ничего иного, кроме предрасположения распространять то или иное движение в чувствительности, в последнем же появляются ощущения этих движений в форме цвета»¹⁵. Приведенный текст кажется очень странным, потому что так должен был думать метафизик, предлагающий гипотезы о первопричинах возникновения цвета, а не выдающийся физик. Однако, приведенная цитата – факт, поэтому надо полагать, учитывая величие Ньютона, что истинный физик тот, в ком живет и творит истинный метафизик.

Возвращаясь к нашему тексту, укажем на то, что тот же самый свет трансформируется также в совершенно другую модальность, а именно в ощущение тепла, несмотря на то, что в самом световом потоке нет физической характеристики, являющейся теплом. А физическими детерминантами ощущения тепла являются амплитуда волны или мощность потока световых частиц. Но, как известно, эти компоненты света сами по себе не теплые. Поэтому можно сказать, что *солнце не ослепительное и не горячее*. Оно становится таковым лишь для человека, так как человек обладает способностями преобразовывать физические характеристики дошедших до него солнечных лучей в соответствующие психические качества.

Точно так же получается с зеркалом. Что отражает зеркало, когда на него никто не смотрит? Никаких зрительных образов в этот момент зеркало не отражает. А образы возникают (в человеке) лишь тогда, когда в глаза человека попадают электромагнитные волны, отраженные от поверхности зеркала.

Звука так же не существует в природе, как и не существует цвета. Вокруг колеблющейся струны нет ничего такого, что можно было бы назвать звуком, кроме колеблющихся частиц или слоев воздуха. Частота колебания воздуха не содержит в себе звука – это чисто механическое движение. И именно эти «беззвучные» колебания доходят до человека и превращаются в его слуховом анализаторе в звуки – явления совершенно иного качества, чем частота колебания струны или слоев воздуха.

Поэтому, если задать, например, вопрос: «Что такое настоящий, реальный шум моря сам по себе, когда на берегу нет людей?», то он не имеет смысла, потому что шума моря на самом деле нет. Вместо него есть бесконечно разнообразный спектр воздушных волн, и каждый человек затем по-своему превращает их в шум моря, соответственно состоянию своего слухового анализатора, особенностям личного аудиального опыта и пси-

¹⁵ **Ньютон И.** Оптика. М., 1954, с. 96-97.

хологического состояния в данный момент. Следовательно, человек не отражает море репродуктивно таким, какое оно есть в реальности, а *создает* его таким, каким видит, слышит и ощущает его вкус, запах, влажность и т.д. А вопрос, какое море на самом деле, также не имеет смысла, потому что это зависит от того, какое существо отражает то, что мы, люди, называем морем, то есть от отражательной системы, предназначенной для выполнения определенного рода задач. В случае отсутствия отражательной системы, море, а в более общем случае мир перестает существовать как объект восприятия, но, существуя в самом себе и благодаря своим «физическим» (природным) характеристикам, сохраняет потенциальную возможность быть вновь созданным согласно структуре, функциям и принципам действия наличествующей отражательной системы. Сказанное относится не только к человеку, как отражательной системе, но и к любой отражательной системе, созданной и используемой человеком, то есть имеет отношение также к науке и познанию в целом. Это обусловлено тем, что при своем функционировании любая отражательная система порождает новое качество, обозначающее отражаемое явление. Следовательно, физический прибор как продолжение отражательной системы исследователя дает нам не действительную информацию о явлении, а опосредованную преобразованную информацию о нем в виде качества, не принадлежащего непосредственно ему (явлению), но свойственное структуре и внутренним закономерностям реагирующего прибора. Так, например, известно, что взаимодействие света с интерферометром выявляет волновую природу света, а с фотоприемником – корпускулярную. Однако если быть последовательным в наших рассуждениях, то следует предположить, что истинная природа света не волновая и не корпускулярная. Это всего лишь две эмпирические модели света, основанные на артефактах *процедуры* измерения и, кстати, противоположные друг другу, для примирения которых Н. Бор ввел в физику элементарных частиц и квантовую механику принцип дополнительности.

К таким же выводам о значении измерительных приборов для исследования природы психических явлений приходит и Т.В. Черниговская при обсуждении вопроса о соотношении сознания и мозга. В своем выступлении на заседании Никитского клуба, она указывает на то, что «наука нам в этом не помощник. Потому что, что бы мы ни зафиксировали, – это область идеального. Энцефалограммы, спектрограммы, аудиограммы – анализ зрения жуков <...>, креветок ничего не даст, потому что здесь есть пробел между миром физического и миром идеального, который не переходим... Оттого, что лучшие в мире приборы, которые есть сейчас, замечательные томографы просветят голову человека с точностью, я фантазирую, до нейрона, – мне это не добавит ни на полмиллиграмма информации

о том, что мы сейчас обсуждаем»¹⁶. И, действительно, это так, потому что прибор показывает то, что в него вложил человек при его создании (цифры, линии спектров или какая-нибудь другая символика), а не то, что на самом деле измеряется в данный момент.

Как нам кажется, реальность, представленная нам в совокупности свойств и качеств объектов, скрыта от нас, потому что *эти свойства и качества есть ощущения и образы, порожденные психикой*. Эти свойства и качества являются не репродукцией реальности, а продуктами психической деятельности, новыми образованиями, обеспечивающими эффективное функционирование человека в окружающей действительности. *Реальность не имеет никакого другого отношения к качествам и свойствам воспринятого мира, кроме факта опосредованной детерминации*. То есть можно утверждать, что «объекты» природы не обладают ни цветом, ни звуком, ни запахом, ни какими-либо другими свойствами, которые представлены в наших ощущениях. Согласно мнению Леонтьева, «...мир в его отдаленности от субъекта амодален»¹⁷. Поэтому можно утверждать, что человек имеет дело не с миром, а с моделью мира, являющейся содержанием его сознания. Как говорил еще А. Кожибский «карта – не территория»¹⁸, имея в виду несоответствие миру модели мира.

Однако уточним, что в данном случае обсуждается не просто вопрос о моделях мира, а о конструировании реальности, который достаточно хорошо разработан в философии, социологии и культурологии, в русле идей конструктивизма. В психологической же науке конструктивистская парадигма выявлена и обозначена В. Ф. Петренко при анализе высших форм сознания. В частности, Петренко приходит к выводу, что «понятийный аппарат, который создает каждая гуманитарная наука (и, конечно, в том числе психология), не только описывает, но и привносит в описание новые связи и расчленения (а имплицитно — и некие аксиологические ценности), формируя в конечном итоге новые конструкты сознания (расширяя его), а через осознание конструирует и саму действительность»¹⁹. В отличие от его исследований наша задача показать, что конструирование реальности начинается уже с уровня ощущений, представленных в соответствующих образах во всех модальностях восприятия.

Всё выше сказанное сводится к вопросу: насколько объективны наши ощущения? Можно ответить, что наши ощущения как качественно-психические образования ничего общего с реальностью не имеют, как

¹⁶ Черниговская Т. В. Каково это – быть камнем? // «Субъективная реальность и мозг». М., 2015, с. 9.

¹⁷ Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. Т. 2. М., 1983, с. 257.

¹⁸ Korzybski, Alfred, *Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics* (5th ed) Lakeville, CN: International Non-Aristotelian Library Publishing Co., 1941/1994.

¹⁹ Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // «Психологический журнал», 2002, т. 23, № 3, с. 119.

качества географической карты (бумага, изображенные на ней знаки) ничего общего не имеют с качествами территории, или буква «а» русского алфавита ничего общего не имеет с фонемой «а». Ощущения и образы – это другая реальность, реальность, признаваемая нашим сознанием. Мир и образ мира – это две разные реальности. Конечно, между миром и его образом существует определенное соответствие (скорее всего, количественное), которое и дает человеку возможность функционировать соответствующим образом в окружающей его среде, подобно водителю, который, глядя на карту дорог, точно знает, свернуть ли ему налево, направо или поехать прямо, чтобы доехать до намеченного пункта. В то же время водитель никогда не спутает карту дорог с самими дорогами, потому что он, находясь вне карты, видит и карту, и дорогу. Однако люди, не имея возможности выходить за пределы своих карт мира, отождествляют образ (карту) мира с самим миром и тем самым впадают в заблуждение.

Итак, сознание человека реагирует не на саму реальность, а на созданные психикой ощущения, образы и слова, которые являются моделями (символами) детерминирующей их порождение физической реальности. А каждая модель мира по-своему неадекватна реальности. Но тем не менее, практика показывает, что человек адекватно функционирует в пределах созданной им же модели мира. То есть *из адекватности функционирования еще не следует адекватность отражения*. Другими словами, *эффективность и адекватность функционирования не зависят от степени неадекватности отражения*.

Из исследований Д. А. Ошанина следует, что неадекватное, искаженное восприятие гносеологически заданных свойств объекта («деформации») является необходимым условием эффективности предметного действия. Поэтому для Ошанина предмет или объект изначально задан как предназначенный изменчивому восприятию, обеспечивающему функциональную адекватность²⁰. Например, дальтоник, воспринимающий яблоко синеватым, и человек с нормальным зрением, воспринимающий то же яблоко красным, съедят его одинаково успешно. В этом примере важно отметить также, что нельзя утверждать, будто дальтоник воспринимает яблоко искаженно, а человек с «нормальным» зрением адекватно, если исходить из предположения, что «объекты» природы не обладают цветом. Можно лишь сказать, что дальтоники *по-другому* создают, порождают или упорядочивают мир, который, тем не менее, должен быть репрезентирован таким образом, чтобы удовлетворить требованиям их эффективного функционирования.

Отсюда вытекает парадоксальный для традиционной психологии вывод: практика, то есть функционирование человека при решении им опре-

²⁰ См.: **Ошанин Д. А.** Предметное действие и оперативный образ. М.–Воронеж, 1999.

деленных (практических) задач, не может быть достоверным критерием адекватности психического отражения, так как в процессе практической деятельности сознание человека имеет дело не с копией объекта, а с психологическим эквивалентом (знаком, обозначением) того «нечто», что находится вне сознания человека, чему еще предстоит стать объектом. И именно от этого знака (или обозначенности), заменяющего сущность (сложность, особенности организации и существования) этого «нечто», зависит то, каким «качеством» оно «обладает». Неадекватность же и неэффективность функционирования выявляются лишь при *сопоставлении* эффективностей функционирования разных людей, обладающих разными моделями мира и индивидуально-психологическими особенностями. И чем шире границы модели мира и тоньше ее структура, тем больше возможностей для адекватного и эффективного функционирования. Поэтому любая психотерапия – это прежде всего работа над расширением пределов и содержания модели мира данного человека.

Сказанное подтверждается и на примере животного мира. Так, например, существуя в одной и той же среде, летучая мышь, лягушка или пчела создают отличные друг от друга модели мира со специфическими неадекватностями. Эти неадекватности как раз и детерминируют возникновение соответствующих моделей мира. Но, независимо от степени и качества этих неадекватностей, каждое существо эффективно и адекватно функционирует в своей модели мира, ориентируясь в пространстве и времени, добывая пищу и размножаясь. Кстати, о летучей мыши хочется добавить следующее. Мы знаем, что она реагирует на отраженные от предметов ультразвуки, испускаемые ею же самой (под ультразвуком подразумеваем колебания воздуха ультразвуковой частоты). Но на самом деле мы не знаем, на что реагирует летучая мышь внутри самой себя, так как мы не имеем точного представления о том, в какую модальность преобразовывает эти частоты ее психика. Это все равно, что сказать: человек реагирует на электромагнитные волны. Но, как известно, мы непосредственно реагируем не на волны, а на свет, цвет и/или тепло. Т. Нагель, обсуждая проблему соотношения субъективного и объективного, вопрос о том, как летучая мышь воспринимает мир, сделал предметом специального философского анализа. И пришел к выводу, что невозможно узнать, как чувствует себя изнутри сама летучая мышь и каково это – быть летучей мышью²¹. Стало быть, у нас нет ни средств, ни возможностей непосредственно проникнуть в модель мира другого существа, человека в том числе.

Возникает закономерный вопрос: что следует из того, что человек не может воспринимать мир таким, каков он на деле? Ведь в самой модели

²¹ См. Nagel T. What is it like to be a bat? *Philosophical Review* 4 LXXXIII: 435-450, 1974.

мира он оперирует уже законченными продуктами психического отражения – ощущениями и образами, принимаемыми за реальные, вне него существующие объекты и их качества.

Ответ на этот вопрос, прежде всего, имеет значение для методологии психологии. Во-первых, при таком подходе меняется понимание объекта. Реальный объект бесконечно многообразен, не обладает ни одним из психических качеств и не познаваем в своей модальности. Он детерминирован, порожден психикой и как комплекс ощущений и образов создается в самом человеке. Именно этот образ-объект является для него реальным. Во-вторых, меняется понимание взаимодействия субъекта и объекта, так как сознание взаимодействует не с реальным объектом, а с его образом. То есть отражение происходит не между психическим и физическим, а между психическим одного уровня (ощущение, образ) и психическим другого уровня (сознание). Поэтому изменение характера взаимодействия человека с окружающей действительностью во власти его возможностей. Имеется в виду то, что, произвольно меняя структуру и качество порождаемых психикой образов, человек так же произвольно может изменять свое отношение к оставшемуся неизменным объекту. В-третьих, вышесказанное имеет принципиальное значение для правильной постановки вопроса об исследовании закономерностей процесса порождения психического отражения.

Таким образом, если в классической парадигме психологии восприятия необходимо наличие соответствия между объектом и его образом, то в трансцендентальной парадигме вместе с элиминацией понятия объекта теряет свой смысл и понятие адекватности восприятия.

Ключевые слова: классическая рациональность, неклассическая рациональность, трансцендентальная парадигма, адекватность восприятия

ՌՈՒԲԵՆ ՆԱՂՆՅԱՆ – Անդրանցական հարացույցը և հոգեկան արտացոլման համարժեքության խնդիրը – Հոդվածում համեմատվում են երկու կանխադրույթների համակարգերը, որոնք ընկալման հոգեբանության դասական և անդրանցական հարացույցների համար հիմնարար են: Ընկալման համարժեքության խնդրի վերլուծության օրինակով ցույց է տրվում դրանց մեթոդաբանական ռեսուրսների սկզբունքային տարբերությունը: Եթե դասական հարացույցում արդարացի է օբյեկտի և դրա պատկերի միջև համապատասխանությունը, ապա անդրանցական հարացույցում օբյեկտի վերացմանը զուգընթաց իմաստագրվում է նաև ընկալման համարժեքության հասկացությունը:

Բանալի բառեր – դասական ռացիոնալություն, ոչ դասական ռացիոնալություն, անդրանցական հարացույց, ընկալման համարժեքություն

ROUBEN NAGHDYAN – Transcendental Paradigm and the Problem of the Adequacy of Mental Reflection. – The article compares two systems of postulates,

which are basic for the two paradigms of the psychology of perception – classical and transcendental. On the example of the analysis of the problem of the adequacy of perception, a fundamental difference in their methodological resources is shown. If the correspondence between the object and its image is true in the classical paradigm, then in the transcendental paradigm, along with the elimination of the concept of the object, the concept of the adequacy of perception loses its meaning.

Key words: *classical rationality, non-classical rationality, transcendental paradigm, adequacy of perception*